

ЕЛЕНА ИВАНОВА

ПОСЛЕ ВЫБОРА

ПОВЕСТЬ И РАССКАЗЫ

Елена Иванова

После выбора. Повесть и рассказы о цене решений, которые меняют жизнь

<https://litres.ru/74118989>

SelfPub; 2026

Аннотация

Можно ли прожить жизнь правильно — и однажды понять, что всё это время жила не свою?

Ради ребёнка. Ради семьи. Ради долга. Героини этой книги делают выбор, который в тот момент кажется единственно верным. И только спустя годы понимают, какую цену пришлось за него заплатить.

В повести «Подпись» мать отказывается от любимого человека, чтобы спасти сына от войны. В остальных историях женщины сталкиваются с выбором, который невозможно назвать ни правильным, ни неправильным. Его можно только прожить — и однажды понять, кем он тебя сделал.

Это истории не о том, как сделать правильный выбор. Они — о том, как жить дальше: о материнстве, памяти, утрате, надежде и внутренней свободе.

После выбора жизнь не заканчивается. Иногда именно тогда она начинается.

Содержание

Вместо предисловия	5
Подпись	6
I	7
II	13
III	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

После выбора. Повесть и рассказы о цене решений, которые меняют жизнь

Вместо предисловия

Я писала эти истории в разное время и не сразу поняла, что между ними есть что-то общее.

Все мои героини умеют любить. Заботиться. Терпеть. Спасать других. И почти каждая однажды замечает, что за годы этой любви незаметно потеряла себя.

Эта книга — не о жертве. Она о выборе. Каждая из них в свой час делает то, что в её обстоятельствах кажется единственно верным, — и платит за это свою цену. Иногда любовь требует слишком многого. И понимаешь это лишь спустя годы. Но даже тогда ещё не поздно вернуть себе своё имя, свой голос и свою жизнь.

Если, читая эти страницы, вы хоть раз узнаете в одной из героинь себя, не пугайтесь этого узнавания.

Я не знаю, всегда ли можно прожить жизнь иначе. Но мне хочется верить, что никогда не поздно понять цену своих решений — и перестать платить за то, что уже не должно стоить так дорого.

Подпись

Повесть о том, какой ценой мать спасает сына

La porte se ferme doucement.

Поль. «Aéroport»

I

Сентябрь 1999-го начался со взрывов.

Сначала гремело далеко. По телевизору показывали Буйнакск в Дагестане, остатки от пятиэтажки, где жили семьи военных, обломки кирпичных стен и женщин в платках — без мужчин. Это было на краю страны, и сначала почти не страшно.

Потом взорвали ближе, в самой Москве на улице Гурьянова. Около полуночи грохнуло так, что содрогнулся весь квартал, и двух подъездов в многоквартирном доме не стало... А через несколько дней — снова Москва, Каширское шоссе. В тот день как раз власти объявили траур по первым погибшим на улице Гурьянова. И под этот траур террористы взорвали ещё один дом.

Страна перестала спать. По вечерам во дворах дежурили по очереди, светили фонарями в подвалы, переписывали чужие машины. Люди говорили только об одном, шептались: «опять эти чеченцы... опять война».

А шестнадцатого взорвали Волгодонск.

Это было уже совсем рядом с Ростовом, где она жила, в городе на Дону. Утром, без трёх минут шесть, взорвался грузовик у пятиэтажки на Октябрьском шоссе, и фасад осыпался, как песок.

В тот вечер она, замерев у телевизора, забыла про тряпку,

оставшуюся на столе.

Дыра в доме сверху донизу, разрушен весь подъезд. Тела под белыми простынями на асфальте. Пыль ещё держалась в воздухе, оседала медленно, как мука. Диктор говорил о погибших, пропавших без вести, повторял четыре слова, и она слышала только их.

Контртеррористическая операция в Чечне неизбежна.

Сын в своей комнате сидел над уроками, склонялся над тетрадью, грыз колпачок ручки. Четырнадцать лет. Затылок ещё мальчишеский, с вихром.

Она посчитала: через четыре года ему — восемнадцать, и придёт повестка.

И впервые отчётливо поняла: когда он станет взрослым, война ещё не кончится.

Всё тело окатила холодная дрожь. Пульсировала мысль: не отдам, не пущу в мясорубку. Собравшись с мыслями, села за стол, придвинула к себе листок, где сын не дописал задачу. Перевернула его и на чистой стороне написала: «Только отъезд. Франция».

Францией она болела с пятого класса школы. Тогда страна называлась гордо — СССР, но выезд из неё был для простых людей, как она, — невозможен. Листая учебник французского, она любовалась лёгким силуэтом Эйфелевой башни и мечтала о Франции, как мечтают о времени, большом и светлом, что никогда не наступит.

И вот теперь уже 8 лет нет СССР, и уехать во Францию стало можно, были бы деньги.

После её развода бабушка устроила её в небольшой ростовский банк. Зарплата была скромной, но стабильной. По вечерам она брала переводы с французского — сначала ради удовольствия, потом ради каждой лишней тысячи, копившейся на её поездку в Париж.

На кухне с сыном говорили поздно, когда за окном уже не ходили трамваи.

Она рассказала ему не про Францию, которую издали обожала. Говорила про выбор.

— Если ничего не начать делать, тебя призовут. — Голос ровный, она готовила его весь день. — Если уедешь — будешь там чужим. Там другой язык, ребята из разных стран. Один, без друзей, и все начинать сначала. Ты готов?

Он молчал долго. Она не торопила.

— А ты? — спросил наконец.

— Я останусь. Нужно заработать на жизнь и тебе и себе.

Он подумал ещё, и сказал внезапно охрипшим, незнакомым голосом:

— Давай попробуем.

В ту минуту он перестал быть ребёнком. Ей показалось, — она это услышала в хрипотце его голоса. Как будто что-то тихо закрылось.

Утром, собираясь в школу после летних каникул, он вне-

запно обнаружил, пытаюсь натянуть кроссовки: пятка в них не помещалась.

— Малы, — сказал он удивлённо, будто кроссовки были в этом виноваты.

Она посмотрела на его ногу. За лето он вырос: нога стала длинной, костлявой, почти чужой.

«За год ещё вытянется, — подумала она машинально. — Надо новые, на размер больше».

А следом, без перехода, пришла другая мысль, холодная: через четыре года, если ничего не делать, ему выдадут другую обувь. Кирзовую. И тоже, наверное, не по размеру.

Она отвернулась, чтобы он не увидел её навернувшихся на глаза слез.

Искала интернат, и нашла его в сети под вечер, в картинках на медленном мерцающем мониторе.

Фотографии: лазурное море, плоские пальмы, белые одноэтажные корпуса, подростки, загорающие на траве — смеются, запрокинув головы. Под фотографиями — условия приёма. Centre International de Valbonne.

Она с юности читала по-французски легко.

Глаза бежали по строчкам условий приёма и наткнулись: «Обязательно наличие гаранта, проживающего во Франции и готового нести ответственность за несовершеннолетнего».

Она перечитала три раза, не веря себе. Потом ещё раз — будто слова могли смениться.

Нужен гарант. Поручитель во Франции. Тот, которого у неё не было.

Она положила голову на стол, рядом с тёплым гудящим монитором. Неужели не сможет?

Во дворе мальчишки играли в войну.

Она слышала через форточку: «Ты убит! — Не убит, ты промахнулся!» Кто-то падал в листья, кто-то строчил из палки. Обычная игра, в которую играли всегда, сколько она себя помнила.

Сын потянулся за курткой.

— Не ходи, — сказала она.

Он остановился, не понимая.

— Почему?

Она не знала почему. Просто не могла смотреть, как он будет падать в листья, держась за живот, и смеяться. Сказать это было нельзя.

— Сначала сделай уроки, — сказала она. — Потом выйдешь.

Он пожал плечами и остался. А она ещё долго слышала со двора чужую перестрелку и чужое счастливое «убит».

В магазине он остановился у полки с шоколадом.

— купишь?

Тот, с орехами, в красной обёртке. Он всегда выбирал этот.

Лишних денег не было. Она считала каждый рубль, откладывала на счёт в банке: на визу, на переводы, на тот самый CIV, который казался недостижимой мечтой. Шоколада не было в этом обязательном списке.

— Ладно, куплю, — сказала она.

Дома он отламывал по дольке, грыз, читал, не замечая её. А она посматривала на него через плечо и думала: пусть. Пусть ест. Там, куда он обязательно уедет, её рядом не будет — некому будет купить.

Модем кричал в темноте, дозванивался минуту, две. Она ждала.

Появлялись лица с сайта. Разные мужчины смотрели с фотографий в профилях — кто в пиджаке, кто на фоне моря, кто с собакой на руках.

Она чувствовала себя почти предательницей.

Ей не нужен был муж и романтика. Нужна была просто подпись.

Каждую анкету она читала как резюме, крутя в голове только один вопрос: можно ли доверять этому мужчине жизнь сына. Выбрала двоих.

II

Первый писал странно, стихами.

Даже когда спрашивал, как её зовут, спрашивал так, что хотелось ответить в рифму.

Они вместе начали переводить «Маленького принца». Спорили о словах, о том, можно ли по-русски сохранить французское *apprivoiser* — приручить — и не растерять в нём нежность.

Споря как-то раз до часу ночи, она вдруг услышала себя со стороны: смеётся, легко, запрокинув голову. Давно она так не смеялась, сколько лет — она не помнила.

Он подписывался: Поль.

Она стала — Гала.

Второй был полной его противоположностью.

Письма короткие, точные, как накладные, никаких стихов. Подробно рассказывал о себе. Пятьдесят лет, работает брокером на бирже, уже купил две квартиры в Париже. Только поменял машину на новую.

Он был итальянец, на пятнадцать лет старше её. Жил во Франции давно, прочно, как живут люди, которым некуда спешить. С женой он не жил уже годы, но и не разводился: в Италии, как объяснял, разводиться накладно, а так удобнее обоим. Он объяснял это спокойно, без горечи, будто речь

шла о страховке. Развода не будет. С женой он не жил, и жене себе тоже не искал — он искал красивую молодую женщину рядом, которая сможет и ему вернуть молодость через своё присутствие. Любовницу, если называть вещи своими именами, отношения без будущего, которое можно было бы загадывать вслух.

Этим, может быть, он был даже честнее поэта.

«Я могу помочь», — написал он то ли во втором, то ли в третьем письме, ещё толком ничего не зная.

Она закрыла тогда его письмо, и почти разозлилась на себя.

Почему именно он — сухой, женатый, без будущего — ей кажется надёжнее того, с кем она смеётся до часу ночи.

Та осень 2000-го запомнилась ей целиком, до последнего часа.

Страна ещё приходила в себя. Шла война, которую потом историки назовут второй Чеченской. По вечерам во дворах дежурили мужчины с фонарями, светили в подвалы, в чужие багажники. В новостях называли новые фамилии. На юг, в Чечню, шли колонны, и то, что по телевизору звали «контртеррористической операцией», было настоящей войной, и все это знали.

И в эти последние теплые дни сентября она поплыла на теплоходе по Дону. С поэтом.

Поль приехал к ней сам, пролетел с пересадками через

всю Европу на свои небольшие деньги, — приехал, потому что она написала ему про теплоход, а он не умел отвечать «нет» на красивое. Она взяла каюту люкс. Тратила то, что копила на визу, и не считала. Один раз для себя — можно.

Каюта была наверху, с большим окном в реку. Узкий диван, лампа под жёлтым абажуром, графин. Когда теплоход отходил от причала, в окне медленно уходили вдаль провожающие на набережной, сама набережная с её фонарями, и даже не думалось о дежурствах в подвалах — всё это осталось снаружи, за стеклом.

Внутри были только они.

Они почти не выходили. Он писал — лёжа, на животе, в тетради, грыз карандаш. Так же, как сын, который грыз ручку, думая над задачей. Он читал ей вслух по-французски свои стихи, она ловила слово, спорила, переводила. Он смеялся, притягивал её к себе, и стихи рассыпались, а потом собирались заново — уже другими, с глубинной нежностью и страстью.

По ночам река была чёрной, и в окно входил холодный речной запах. Она лежала, слушала, как вода бьётся в борт, и думала: вот оно, счастье. Больше так не будет. Откуда-то она это уже знала — и потому держалась за каждый час двумя руками.

Вечером спускались к ужину в ресторан. Там люди говорили вполголоса — про дома, про подвалы, про чьего-то племянника, которого уже призывали и куда-то отправили. По-

жилая пара за соседним столом, кажется, поехала просто для того, чтобы не сидеть дома у телевизора. Официантка протирала и без того чистые стаканы.

Поль не понимал по-русски. Спрашивал её глазами, а она говорила: «Потом объясню». И не объясняла.

На зелёной стоянке по пути в Старочеркасск теплоход причалил к пустой пристани. День выдался тёплый — один из последних, наверное, тёплых дней в этом сентябре. Пассажиры высыпали на берег, разбрелись по нему, пошли к воде, а они ушли в лес, начинавший проступать желтизной сквозь сочную зелень.

Он достал небольшой перочинный ножик. Походил между деревьев, что-то выбирая. И нашёл гладкий ствол молодого тополя. На нём стал вырезать, медленно, высунув кончик языка, как мальчишка:

Paul et Gala.

— Это же навсегда, — сказала она и засмеялась.

— Конечно, — ответил он, притянув её к себе в долгим поцелуе.

Кора была светлая на срезе, влажная. Буквы темнели на глазах.

Под вечер подходили к Волгограду.

Город проявлялся постепенно. Сначала из-за поворота показались заводские трубы, потом вытянулся вдоль реки и

сам Волгоград — длинный, серый, прижатый к воде.

А над городом, на холме, поднималась она.

Женщина с поднятым мечом.

Родина-мать.

Огромная, выше всего вокруг, она будто звала за собой — вперёд, туда, на врага. Под её холмом лежали те, кого она когда-то позвала: тысячи и тысячи чужих сыновей, оставшихся под Сталинградом навсегда. Теплоход шёл медленно вдоль берега, и она долго не уходила из виду — бетонно-стальная, с поднятой рукой.

Поля смотрел снизу вверх, запрокинув голову.

— Кто это? — спросил он.

— Мать, — сказала она. — Зовёт сыновей.

— Куда?

— На войну.

Он кивнул, не поняв до конца, и отвёл глаза к воде.

А она стояла и смотрела на эту огромную мать с мечом — и думала про себя, маленькую, на палубе, и про своего сына, которого прятала от точно такого же зова. Та звала вперёд. Она увозила прочь. И обе называли это любовью.

Где-то позади, ниже по воде, остался Волгодонск с осыпавшимся год назад фасадом на Октябрьском шоссе. Та же река. И снова сентябрь.

Она взяла Поля за руку. Рука была тёплая, живая — но ни за что не отвечающая.

Уже тогда, может быть, она знала, что выберет не эту руку.

Перед отъездом, уже в аэропорту, Поль подарил ей тонкое золотое кольцо с двумя яркими фианитами и тетрадь.

Толстую, в коленкоровой обложке. Все страницы исписаны стихами о ней. Стихами, которых она ещё не читала.

Она листала и не могла сглотнуть тот комок, что застрял в горле.

— Продолжай переводить меня, — сказал он.

Она вернулась домой. В её квартире было, как всегда, но она знала: что-то ушло безвозвратно. Через несколько дней в почту упало письмо от Поля. Одно стихотворение. Сверху — название.

Aéroport.

Она села переводить поздно вечером, со словарём, хотя словарь был почти не нужен.

Assise. Tu ne dis rien.

Присев, ты молчишь —

только твой взгляд и птица тоски.

Derrière la vitre.

За этим стеклом

тень от руки ложится в асфальт

и чертит круги

под синим дождём.

Она писала карандашом, на полях, и слова ложились сами.

Tu oses la présence. Qu'importe le Temps.

La porte se ferme doucement.

Твоё бытие

между небом и сном,

землёй и мечтой.

Она дошла до конца.

Il y a ce feu à la bague de tes yeux.

Присев, ты молчишь —

застыла слеза.

В оправе кольца —

наши глаза.

Закрыла словарь, которым не пользовалась. Посмотрела на свой перевод.

И поняла — спокойно и ясно, как понимают давно известное: это не просто стихи. Это прощание. Он попрощался первым ещё тогда, на берегу, ножом по коре. А теперь — словами.

Дверь закрывалась тихо. Может быть, она сама её и закрывала.

Той же ночью она села писать Полю.

Курсор мигал в пустом окне. Она начала, и слова пошли сами, как те его стихи, которые она переводила. Писала, что любит, что теплоход был лучшим, что с ней случилось, что они приедут к нему — она и сын, — и они будут жить втроём, и она будет переводить его до конца жизни, а он — писать ей стихи.

Письмо вышло огромное. Она перечитала и увидела в нём и правду и ложь.

Правда была в том, что она его любит.

Ложь — во всём остальном.

Потому что Поль не сможет взять на себя ни её, ни сына. Не поручится. Он просто напишет про это стихи. А сыну нужна подпись.

Она выделила письмо и стёрла.

Экран снова стал пустым.

Начала заново. Короче. «Поль, я не смогу приехать». Посмотрела. Стёрла и это — потому что за «не смогу» он спросит «почему», а ответить было нечем, кроме как: «потому что выбрала не тебя».

Написала в третий раз. Одно слово. Стёрла одно слово.

Так прошла ночь. Модем она не включала — отправлять было нечего. К утру в окне монитора не осталось ни строчки. Она не написала Полю ничего.

Это и было ответом. Он ведь сам ей написал — «tu ne dis rien», ты молчишь. И она замолчала.

Когда за окном посерело, она открыла другое письмо, от Энцо.

Ответила ему коротко, без особой нежности, по-деловому. Два слова, которые меняли всё.

«Я приеду».

Нажала «отправить», и модем закричал, унося письмо в провод.

Только тогда заплакала, навзрыд, пытаясь, как обычно спрятать эти рыдания в подушку. Она плакала не оттого, что потеряла любовь.

Оттого, что отказалась от неё сама.

III

Энцо встретил её в аэропорту через полгода, в апреле, без цветов.

Сам взял её чемодан — тяжёлый, она набрала своих лучших платьев, чтобы поразить, быть неотразимой. Долго ехал вдоль моря, и море всё время было справа, синее до рези в глазах. Ниццу они проехали. Дальше был маленький Вильфранш — бухта, прижатая к горе, дома цвета охры и персика, уступами спускающиеся к воде.

По дороге он заехал в магазин Carrefour, купил хлеб, сыр, воду, что-то на ужин — спокойно, как делают каждый день. Снятые им на две недели апартаменты были наверху, под самой крышей: две комнаты, кухонька и открытая терраса над черепицей, а за террасой плескался залив.

Сезон ещё не начался. На пляже было почти пусто, но солнце уже щедро раздавало всем нуждающимся своё тепло.

В машине она задремала, устала после длинного перелёта. Проснулась и почувствовала на коленях плед. Он смотрел на дорогу, но, искоса взглянув на неё, улыбнулся уголком рта и ничего не сказал.

Это была забота другого рода: не страсть и не пожар. Даже не дом, который строят на годы вперёд, ведь впереди у них ничего не загадывалось. Было что-то третье, без имени, которое ещё нужно было придумать.

Может быть, она научится в нём жить.

Первые дни в Вильфранше она почти ничего не делала.

Выходила утром на террасу, стелила полотенце на тёплые плитки и ложилась под солнце. Оно входило в неё, как тепло входит в озябшие руки, — медленно, до самой кости. И боль уходила: та, которую она везла через всю Европу — Польшу, тетрадь, имена, вырезанные на коре — под этим солнцем размякала и вытекала, как вода между сжатых ладоней.

Впервые за долгие месяцы ей было просто хорошо. Она думала, что будет терпеть, — а оказалось, можно отдыхать.

Внизу, на пляже, подростки играли в волейбол. Загорелые, длинные, чужие. Она смотрела на них поверх перил, и глаза сами, привычно, искали среди них своего: где он, в какой стороне, не зашёл ли в воду. Потом вспоминала, ведь он за тысячи километров. Здесь его нет и не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.